

Моей маме

Крисси

Сегодня я убила маленького мальчика. Взяла обеими руками за горло, чувствуя, как кровь с силой стучит в мои большие пальцы. Он извивался и пинался; колено угодило мне в живот, вызвав резкую вспышку боли. Я заорала и сдавила его горло сильнее. От пота оно стало скользким, но я не отпускала, я давила и давила, пока мои пальцы не сделались белыми. Это было легче, чем мне казалось. Прошло немного времени, и он перестал пинаться. Когда его лицо стало цвета молочного желе, я откинулась и встряхнула руками — затекли. Положила ладони на собственное горло, над тем местом, где выпирают косточки, похожие на дверные ручки. Кровь стучала в большие пальцы. *Я здесь, я здесь, я здесь.*

После этого я зашла за Линдой, потому что до ужина было еще далеко. Мы поднялись на вершину холма и там встали вверх ногами, прислонившись к стенке и упираясь ладонями в землю, усыпанную окурками и крошечными искрами стекла. Платья сползли нам на лица. Ветер охлаждал ноги. Мимо пробежала женщина — мамочка Донны, — она пробежала мимо, и ее жирная грудь прыгала вверх-вниз. Линда оттолкнулась от стены и встала рядом со мной, и мы вместе смотрели, как мамочка Донны бежит по улице. Она издавала звуки, похожие на кошачьи вопли. Они нарушали послеобеденную тишину.

— Почему она плачет? — спросила Линда.

— Не знаю, — ответила я.

А сама знала.

Мамочка Донны скрылась за углом улицы, и мы услышали отдаленные вскрики. Когда она вернулась, вокруг нее собралась куча мамочек; все они спешили, коричневые туфли стучали по дороге, вот так — пум-пум-пум. Майкл был с ними, но не успевал. К тому времени как они прошли мимо нас, он уже тащился далеко позади и дышал с надрывным хрипом, и мамочка потянула его за руку, а он упал. Мы увидели красные, как раздавленная малина, капли крови, услышали, как вой прорезает воздух. Мамочка схватила его и взяла под мышку. А потом продолжила бежать, бежать, бежать...

Когда все мамочки промчались мимо нас, так что мы видели только обтянутые кофтами спины и широкие подпрыгивающие попы, я потянула Линду за руку, и мы последовали за ними. В конце дороги увидели Ричарда, который вышел из магазина с ириской в одной руке и Полой в другой. Он увидел, как мы бежим за мамочками, и последовал за нами. Поле не понравилось, что Ричард тащит ее, и она стала упираться, поэтому Линда подняла ее и взяла поперек туловища. Ноги у Пола были словно в полосочку там, где жир напелзал складками. Они торчали из раздувшегося подгузника, с каждым шагом сползающего все ниже и ниже.

Мы услышали толпу еще до того, как увидели ее: колышущееся облако вздохов и ругательств, пронизанное женским плачем. Девичьим плачем. Детским плачем. Обогнули угол и увидели ее — толпу людей, клубящуюся вокруг синего дома. Линды больше не было рядом со мной, потому что подгузник Пола свалился в конце Копли-стрит, и Линда остановилась, чтобы попытаться снова натянуть его на Полу. Я не стала ждать; я побежала вперед, прочь от кучи вкочущих мамочек, в самую толпу. Когда добралась до середины, пришлось присесть и протискиваться между

горячими телами, а когда тела закончились и протискиваться больше стало не нужно, я увидела. Большой и высокий мужчина стоял в дверях, держа на руках маленького мертвого мальчика.

В задней части толпы раздался звук, и я посмотрела на землю в поисках лисы, потому что такой звук издает лиса, когда в ее лапе застрекает колючка, — звук, идущий через рот из самого нутра. Потом толпа зашевелилась и стала расступаться, люди падали друг на друга. Меня стали толкать, и я, сидя на корточках, смотрела сквозь лес ног, как мамочка Стивена идет к мужчине, стоящему в дверях. Из ее нутра через рот вырывался вой. Она взяла у мужчины Стивена, и вой превратился в слова:

— Мой мальчик, мой мальчик, мой мальчик...

Потом мамочка села на землю, не заботясь о том, что юбка задралась до самой талии и все видят ее трусы. Она прижимала Стивена к себе, и я думала, как хорошо, что он уже мертв, потому что если бы он не был мертв, она задушила бы его между бочонками груди и живота. Под ними я не видела его лицо. Но это было неважно. Я уже знала, как оно выглядит: серое, как пропавшая печенка, глаза — словно стеклянные шарики с черными пятнами. Он перестал моргать. Я заметила это, когда закончила убивать. Было странно видеть, как кто-то не моргает так долго. Когда я пыталась сделать так, глаза начинало жечь. Мамочка гладила его по волосам и выла, и мамочка Донны протиснулась сквозь толпу и опустилась на колени рядом с ней, а мамочка Ричарда, мамочка Майкла и все остальные мамочки клубились вокруг и плакали. Я не знала, почему они плачут, — ведь их-то дети не умерли.

Линде и Поле понадобилось много времени, чтобы догнать нас. Когда они появились в переулке с синим домом, Линда несла мокрый подгузник Пола.

— Ты знаешь, как надеть обратно на нее? — спросила Линда, протягивая его мне. Я ничего не ответила, только

отодвинулась, чтобы и дальше смотреть на кучу воющих мамочек. — Что случилось?

— Там Стивен, — сказала я.

— Он был в синем доме?

— Он умер в синем доме. Теперь он у своей мамочки, но все равно мертвый.

— Как он умер?

— Не знаю.

А сама знала.

Пола села на землю рядом со мной, прямо в грязь голой попой. Она шарила пухлыми руками, пока не нашла камешек, который начала старательно засовывать в рот. Линда села по другую сторону от меня и смотрела на мамочек. Пола съела еще три камешка. Люди бормотали, шептали и плакали, а мамочку Стивена не было видно из-за завесы груди и розовых кофт. Там была Сьюзен. Сестра Стивена. Стояла в стороне от мамочек, в стороне от толпы. Никто словно не видел ее, кроме меня. Она словно была призраком.

Когда солнце начало садиться, подошла мамочка Пола, подняла ее, вытащила камешек у нее изо рта и забрала ее домой. Линде тоже надо было идти, потому что она сказала, что мамочка, наверное, ждет ее к ужину. Она спросила, пойду ли я с ней, но я сказала «нет». Я оставалась там, пока не приехала машина, из которой вышли двое полицейских, высоких и красивых, с блестящими пуговицами на одежде. Один из них наклонился и стал разговаривать с мамочкой Стивена, но слов я не могла разобрать, даже когда зажмурилась и стиснула зубы — обычно это помогало мне услышать то, что взрослые хотели сохранить в секрете. Второй вошел в синий дом. Я видела, как он бродит по комнатам первого этажа, и хотела крикнуть: «Я убила его наверху! Нужно искать наверху!» Но закусил губы. Нельзя раскрывать свою игру.

Хотела остаться и посмотреть, что будет дальше, хотя бы увидеть, как полицейские найдут правильное место, но

мистер Хиггс из тридцать пятого дома велел мне уходить. Когда я поднялась, на мне остался узор от вмятин и ямок на земле. Стоя, я лучше видела Стивена. Его ноги свисали через руку его мамочки, и я видела, что с одной ноги свалилась сандалия, а колени грязные. Сьюзен была единственной из детей, кто еще оставался там, потому что ее дома больше никто не ждал. Руки скрещены на груди, а пальцами она вцепилась в свои плечи, будто обнимала себя или пыталась не рассыпаться. Выглядела она тощей и бледной. Когда откинула волосы с лица, то заметила меня, и я хотела помахать ей рукой, но мистер Хиггс взял меня за локоть.

— Идем, девочка, — сказал он. — Тебе пора домой.

Я вывернулась. Думала, он просто прогонит подальше, но мистер Хиггс довел меня до самой улицы, держась все это время позади. Я слышала его дыхание, тяжелое и хриплое. Как будто слизняки ползали по моей коже, оставляя скользкие следы.

— Посмотри на небо, — сказал он, указывая куда-то вверх. Я посмотрела. Оно было сплошь голубое.

— Ага, — сказала я.

— Первый день весны.

— Ага.

— Первый день весны, а малыш лежит мертвый, — сказал он и цокнул языком, словно отлепляя его от неба.

— Ага, — согласилась я, — мертвый.

— Ты ведь не боишься, девочка? — спросил он. Я влезла на ограду сада мистера Уоррена. — Ты же знаешь, полиция все расследует. Нечего бояться.

— Нечего бояться, — сказала я.

Дойдя до конца стены, я спрыгнула вниз и пробежала всю дорогу до дома. Выбрала короткий путь, тот, где нужно было протискиваться через пролом в ограде автопарка. Я не могла идти этим коротким путем, когда была с Линдой, потому что она не пролезала в пролом, но для меня это просто. Люди всегда говорили, что я слишком маленькая для восьми лет.

Света в доме не было. Я захлопнула за собой входную дверь, но ничего не произошло. Лектричества не было. Терпеть не могу, когда лектричества нет. Это значит, что телик не работает, а в доме темно-темно-темно, и никак не сделать светло, а я боюсь того, чего не могу увидеть. Некоторое время я стояла в коридоре, слушая, нет ли мамы. Я не думала, что папа дома, но все равно слушала, нет ли и его тоже, напрягала уши, как будто могла волшебным образом усилить звуки, если достаточно внимательно буду слушать. Все было тихо. Мамина сумка стояла на полу у лестницы, и я нашла в ней упаковку печенья. Мое любимое — песочного цвета, с изюмом, похожим на мертвых мух, — и я ела его, лежа у себя на кровати и не забывая жевать одной стороной рта, чтобы не тревожить гнилой зуб на другой. Когда печенье кончилось, подняла руки над лицом и растопырила пальцы, как морская звезда лучи. Подождала, пока кровь отхлынет от них, а потом опустила и провела ими по лицу. Они так онемели, что словно принадлежали кому-то другому, и это было странно — ощущение, что кто-то другой гладит меня по лицу. Когда они отошли, я приложила ладони к щекам и смотрела в щель между пальцами, как при игре в прятки.

«Спорим — ты меня не увидишь, спорим — не найдешь, спорим — не поймаешь».

* * *

Я проснулась ночью; все остальные спали. Смирно лежала на спине. Думала, что мама, наверное, хлопнула входной дверью, потому что обычно именно это будило меня по ночам; а иногда я просыпалась от того, что описала кровать, но постель была сухой, и я не слышала, чтобы кто-то был внизу. Ноги не болели. Я потрогала живот, грудь, горло. И на горле остановилась. Воспоминание походило на кусок масла, упавший на горячую сковороду. Так же пенилось и шкворчало.

«Сегодня я убила маленького мальчика. Отвела в переулок и сжимала руками горло в синем доме. Я продолжала давить, даже когда его кожа стала скользкой от пота — и моя тоже. Он умер рядом со мной, и сто миллионов людей потом смотрели, как высокий сильный мужчина несет его к мамочке».

У меня возникло то же самое ощущение пузырьков в животе, которое я испытывала, когда вспоминала какой-нибудь вкусный секрет, — как будто лимонад бурлил внутри. Под этим скрывалось что-то еще, более твердое и похожее на металл. Но я не обращала на это внимания. Сосредоточилась на пузырьках. На том, как они булькают и шипят.

Как только я вспомнила про убийство Стивена, это взбудило меня настолько, что я уже не смогла снова уснуть, поэтому я вылезла из постели и на цыпочках прокрадлась на площадку. Перед маминой комнатой остановилась и задержала дыхание, но ее дверь была закрыта, и я не слышала ничего. Пол под пятками был холодным, и я чувствовала себя пустой и бледной. Печенье было словно давным-давно. На кухне у нас никогда нет никакой еды, хотя весь смысл кухни, чтобы там всегда была какая-нибудь еда. Но я все равно искала. Влезла на столешницу, открыла все висячие шкафы и в том, что над плитой, нашла бумажный пакет с сахаром. Сунула его под мышку.

Когда я поворачивала ручку входной двери, мне пришлось быть очень осторожной, потому что она издавала громкий щелчок, если повернуть ее слишком быстро, а я не хотела разбудить маму, если та действительно спала в своей комнате. Сдвинула придверный коврик на порог и плотно прижала его дверью, чтобы та не открывалась, но и не захлопнулась на замок. Так делала мама, чтобы я не стучалась, когда возвращаюсь из школы. От воздуха снаружи моя кожа покрылась мурашками — там, где под ночнушкой я была голая, ветер задувал снизу. Я долго стояла у ворот, глядя на пустую улицу и чувствуя себя так, как будто я — единственный человек в мире.

За несколько часов до этого, возле синего дома, я слышала, как одна из мамочек сказала, что наши улицы никогда больше не будут прежними. Она утыкалась головой в плечо другой мамочки и оставляла на ее кофте мокрые полосы от слез.

— Они никогда не будут прежними, — сказала она. — Только не после такого. Только не после того, как кто-то пришел и сделал это. Как мы можем чувствовать себя в безопасности, зная, что на наших улицах творится такое зло? Как мы сможем когда-нибудь поверить в то, что наши дети в безопасности, если поблизости бродит дьявол? Дьявол среди нас.

Воспоминание об этом заставило меня улыбнуться. Улицы никогда не будут прежними. Когда-то они были безопасными, а теперь перестали такими быть, и все из-за одного человека, одного утра, одного момента. Все это — из-за меня.

Асфальт был шершавым и царапал ноги, но мне было все равно. Я решила дойти до церкви, потому что та стояла на вершине холма, и от нее можно было видеть все наши улицы — всю эту сетку. По пути не сводила глаз с церковного шпиля — он торчал прямо в небо, словно зимнее дерево. Дойдя до вершины холма, вошла на стену рядом со статуей ангела и оглянулась на лабиринт домиков, похожих отсюда на спичечные коробки. В животе сосало; я облизнула пальцы, макнула их в пакет с сахаром и слизала прилипшие крупинки. Делала это снова и снова, пока гнилой зуб не заныл, а губы изнутри не стали похожи на наждачку — из-за налипших крупинок сахара. Я чувствовала себя призраком или ангелом, стоя на стене в белой ночнушке и поедая сахар из бумажного пакета. Никто меня не видел, но я все же была здесь. Как бог, выходит.

«Значит, вот что для этого нужно, — думала я. — Только это и было нужно мне, чтобы почувствовать себя всемогущей. Одно утро, один момент, один желтоволосый мальчик. В конце концов, это не так уж много».

Ветер задирает ночнушку, и мне казалось, что он мог бы вознести меня на небеса, если б что-то тяжелое не держало меня на земле.

«Скоро я больше не буду чувствовать этого, — думала я. Именно это и приковывало меня к земле. — Скоро все станет как обычно. Я забуду, каково это — быть достаточно сильной, чтобы выдавить из кого-то жизнь. Забуду, каково чувствовать себя богом».

Следующая мысль была словно голос, раздавшийся в голове: «Мне нужно снова почувствовать это. Нужно снова сделать это».

Время, отделяющее первый раз от следующего, внезапно отобразилось на циферблате, и стрелки отсчитывали секунды. Я смотрела, как оно тикает, слышала, как оно тикает, чувствовала, как оно тикает. Эти часы были особым секретом — для меня одной. Другие люди могли сидеть вместе со мной в классе, проходить мимо меня на улице, играть со мной на площадке — и не знать, кто я на самом деле такая. Но я-то знала, потому что тиканье напоминало мне об этом. И когда часы дотикают полный круг, когда их стрелки сойдутся на числе двенадцать, это случится. Я сделаю это снова.

Пальцы на руках и ногах сводило от холода, поэтому я направилась обратно к своему дому. Чувствовала себя даже легче, когда шла от церкви, и знала: это не только потому, что я сейчас спускаюсь, а не поднимаюсь. Это потому, что теперь у меня есть план. Входная дверь все еще была подперта ковриком, и я закрыла ее за собой с осторожным щелчком. Унесла сахар обратно на кухню и поднялась по лестнице. Кругом по-прежнему было тихо. По-прежнему темно. Забравшись в постель, я согнула колени, натянув на них подол ночнушки, и сунула ладони под мышки. Было очень холодно, но я чувствовала себя совсем настоящей. Совсем живой. В каждой крошечной части моего тела ощущалось собственное сердцебиение, собственное тиканье.

Тик. Тик. Тик.